

С.Г.ЛУЗЯНИН, зам. директора ИДВ РАН,
Руководитель Центра стратегических проблем
СВА и ШОС, д.и.н., профессор

Евразийская политика России. Глобальные вопросы развития в российской и китайской проекциях¹

Евразийский контекст внешней политики России в широком смысле слова связан с поиском оптимальной парадигмы отношений с большими и малыми странами Центральной, Южной Азии, Среднего Востока и Северо-Восточной Азии, развитием интеграционного, экономического и военно-политического сотрудничества. Понятно, что степень и качество такого сотрудничества с каждым в отдельности государством разная, обусловленная комплексом исторических, региональных и иных условий, но «евразийская зона» интересов всегда будет оставаться ключевой и приоритетной по причинам наличия у России геополитической специфики – евразийского компонента, который, в разной степени, но всегда имел место, как в имперский (XVII в. – 1917 г.), так и советский (1917 – 1991 гг.) периоды, сохраняя свое ключевое значение и сегодня.

Академик М.Л.Титаренко, анализируя специфику евразийской политики России, отмечает необходимость ее более полного раскрытия, прежде всего «на восточноазиатском и южном направлениях»². Причем особенность ее реализации, по его мнению, заключается в том, что она (российская политика. – С.Л.) по всем объективным показателям явно совпадает с китайскими ресурсами для соразвития РФ и КНР. «Жизненное значение освоения ресурсов Сибири и Дальнего Востока, социально-экономического подъема этих территорий российского государства – императив развития

---

¹ Данная статья основана на материале из книги: С.Г.Лузянин. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД «Форум», 2009

² Титаренко М.Л. Предисловие // Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. РАН. Институт Дальнего Востока, 2005. С. 11.

России и сохранения ее целостности. Все это ставит Россию перед неотвратимостью и безотлагательным выбором: либо мы проявляем политическую волю и идем на широкое сотрудничество с Китаем как с надежным и заинтересованным в таком долговременном и взаимовыгодном сотрудничестве партнером... либо, поддавшись предрассудкам и мифам о «китайской демографической экспансии» и «китайской угрозе», упустим шанс, позволим превратить Россию в фактор сдерживания Китая, а, значит, лишим себя партнера по соразвитию»³. Другими словами партнерство двух стран на «азиатских направлениях» по мере его развития становится фактором роста и усиления. В случае же консервации отношений двух стран на фоне раздувания различных фобий и «угроз» начинает работать фактор взаимного сдерживания. Причем факторы роста проявляются для Китая и России не одновременно и не с одинаковой силой, имеют свою специфику реализации.

Важным представляется синтезированный (взаимозависимый) характер отдельных вопросов российско-китайского партнерства и проблем общемирового, глобального развития. Если условно структурировать *глобальную повестку*, выделив в ней пункты, напрямую связанные с российско-китайскими интересами, то, это, видимо, будут: а) будущее устройство мира (*однополярное* или *многополярное*); б) *отношение к ООН*; в) *возможности расширения или сужения G-8*; в) *восприятие в мире усиливающегося китайско-американского стратегического диалога, включая проекты «новой глобальной ответственности» Пекина и Вашингтона*⁴; 7) *глобальные и региональные вызовы и угрозы, и другие вопросы*

Складывающаяся структура международных отношений – процесс противоречивый и неоднозначный. Биполярная система, как известно, просуществовала до начала 1990-х годов, а затем уступила место миру, в

---

³ Титаренко М.Л. Предисловие // Российско-китайские отношения. С.11.

⁴ Более подробно см.: В.Я.Портяков. Становление Китая как ответственной и глобальной державы // Проблемы Дальнего Востока, №6, 2009.- С.3-13

котором уцелел один «комплексный лидер» США. Данный тезис получил различные трактовки и оценки в среде российских политологов. В течение долгого времени на официальном уровне говорилось о многополярном мире. По мнению российского ученого А.Д. Богатурова, уместно предполагать углубление тенденций к наращиванию потенциала других мировых центров. «В этом смысле следует понимать официальные высказывания руководящих деятелей Российской Федерации о движении современного мира в направлении к подлинной многополярности, в которой не будет места гегемонии какой-либо державы. Но сегодня пока приходится констатировать иное: международная структура в том виде, в каком она сформировалась к середине первого десятилетия XXI в. – структура плюралистичного, но однополярного мира»⁵.

Соединенные Штаты, особенно при президентстве Дж. Буша не смогли удержаться от искуса проведения своей национальной политики на базе гегемонизма, часто называемого политикой «однополярного мира», что признает часть американских политологов⁶. Принятая в США концепция «расширения демократии», предполагает превращение пост-коммунистического пространства в стратегический резерв, с опорой на который Соединенные Штаты могли бы с большими основаниями рассчитывать на сохранение позиций, приобретенных после распада СССР. Подобная тенденция – расширение американского геополитического пространства в Евразии и в мире в целом – рано или поздно должна была натолкнуться на противодействие Москвы и Пекина. Администрация Б.Обамы пытается проводить более гибкую политику, используя ресурсы дипломатии «мягкой силы» и экономического сотрудничества.

В конце прошлого – начале нынешнего веков противодействие американскому гегемонизму стало неоспоримым фактом, существенным

---

⁵ Системная история международных отношений, в 4-х т. События и документы. 1918–2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Т. 3. События 1945–2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003. С. 10–11.

⁶ Adam Daniel Rotfeld. Introduction: Rethinking the contemporary security system. SIPRI Yearbook 1999, SIPRI, Oxford University press, 1999. P. 6.

элементом современной структуры международных отношений в Евразии. Политически Россия и Китай четко выразили свою согласованную позицию в двух совместных декларациях: «О многополярном мире и формировании нового международного порядка» (1997 г.) и «О международном порядке в XXI в.» (2005 г.).

Понятно, что сдерживание США со стороны РФ и КНР имеет достаточно гибкие формы и может варьироваться в широком спектре действий в рамках международного права и общепринятых норм поведения государств. С другой стороны, это противодействие не означает формирование некоего российско-китайского военно-политического либо иного союза против США. «Треугольник» РФ – США – КНР взаимозависим, отношения РФ и КНР с США важны, особенно для Китая, если брать торгово-экономическую сферу. Академик М.Л. Титаренко и член-корр. РАН Б.Н. Кузык в своей прогнозно-аналитической работе отмечают, что «у российской и китайской сторон появилось понимание ограниченности возможностей маневра в рамках прежнего большого стратегического «треугольника» Россия – Китай – США. Значение этих «треугольных» связей не ушло в прошлое, однако в ближайшей перспективе (до 7–8 лет) образование консолидированных альянсов двух его углов против третьего представляется маловероятным. Попытки, в частности американской стороны, разыграть российскую карту против Китая (как это было летом 2001 г.) могут продолжаться. Но согласие с реализацией такого варианта, возможно и предоставляющего некоторые выгоды в узкоконъюнктурном плане, было бы чревато для России серьезными стратегическими издержками в отдаленной перспективе и могло бы привести к ее изоляции в Северо-Восточной Азии»⁷.

Достаточно непростым моментом является позиция Китая относительно современных российско-американских отношений. Официально КНР не всегда горячо поддерживал отдельные шаги российской администрации в период президентства В.В.Путина (выступление В. Путина 10 февраля 2007

---

⁷ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С.558.

г. в Мюнхене и другие). В.Я. Портяков по этому поводу пишет, что «Китай по сути дела дает понять, что он не готов открыто принять сторону России в ее трениях с США. Вероятно, здесь сказывается, – поясняет он, – как нежелание Пекина осложнять собственные непростые отношения с США, так и стремление не слишком акцентировать те международные тенденции, которые не вполне вписываются в выдвинутую китайским руководством концепцию “гармоничного мира”»⁸. В условиях нынешнего (февраль 2010 г.) обострения китайско-американских отношений в связи с готовящимися военными поставками США на Тайвань, для Пекина будет важна официальная поддержка Москвы. Понятно, что, российское руководство такую поддержку окажет, учитывая позицию России по территориальной целостности КНР и мирному объединению Китая. С другой стороны, Москва не будет и не должна играть на американо-китайских противоречиях, которые по мере возвышения и усиления Китая будут усиливаться и углубляться.

Термин многополярный мир российскими и китайскими представителями трактуется в достаточно широком спектре. Так, в российско-китайских документах, подписанных на высшем уровне, – Совместных декларациях РФ и КНР от 21 марта 2006 г. и 26 марта 2007 г. идея «становления многополюсного мироустройства» (2005 г.) заменена тезисами о «содействии коллективным началам и демократизации международных отношений» и сохранении «разнообразия культур и цивилизаций»⁹.

В условиях нынешней нестабильности, растущих вызовов и угроз роль, ООН в мире воспринимается неоднозначно. Отдельные западные политики и эксперты считают, что организация «отжила свое время», так как она не отвечает на современные вызовы и является порождением «холодной войны» прошлого века, и, следовательно, ее нужно распустить. Другие, отмечая необходимость ее реформирования и обновления, выступают за сохранение

---

⁸ Портяков В.Я..О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2007. №5. С.24.

⁹ Там же // ПДВ. 2007. № 5. С. 24.

ООН как главного международно-правового гаранта современных международных отношений. Очевидно, что за идеями демонтажа ООН просматривается американский интерес выстраивания собственной силовой модели мира.

Исходя из предложенной М.Л. Титаренко и Б.Н. Кузыком прогнозной схемы развития российско-китайского взаимодействия на международной арене, можно выделить *5 базовых принципов* нынешнего китайского позиционирования в отношении ООН:

1) укрепление роли организации и уважительное отношение к Уставу ООН;

2) уважение многообразия мира. Тезис, который, по мнению китайских представителей, помогает налаживать отношения с различными (альтернативными) государствами (развитыми, развивающимися, с разными идеологиями и политическими системами);

3) адекватное соотношение экономической глобализации и требований защиты мира и стабильности во всем мире. Развитие экономической глобализации, которая способствовала бы совместному (справедливому) развитию всех стран. Китайские руководители подчеркивают важность получения развивающимися государствами от развитых новых технологий и инвестиций;

4) использование ООН как трибуны для укрепления влияния КНР в мире и, прежде всего, среди развивающихся стран. Китай подчеркивает, что он является единственной развивающейся страной – постоянным членом СБ ООН;

5) обязательность действий при проведении миротворческих операций на основе мандата Совета Безопасности ООН¹⁰.

Изложенные принципы, отражающие специфику реализации китайской глобальной стратегии, во многом совпадают с российским подходом к ООН. Оба государства солидарно голосуют по большинству вопросов и в Совете

---

¹⁰ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С.533–534.

Безопасности ООН, и на Генеральной Ассамблее ООН, и в различных международных организациях. Тезис о многообразии, которого придерживаются Россия и Китай, позволяет сдерживать давление США как в рамках ООН, так и в других крупных международных проектах.

Гибкость и многовариантность отношений России и Китая с третьими акторами на глобальном и региональном уровнях подтверждает пример их отношений с «большой восьмеркой». Следует признать, что объективное противоречие между составом «восьмёрки» и реалиями начала XXI в., выдвинувшего на первые позиции ряд не входящих в G-8 государств (Китай, Индия, Бразилия и др.), существует. Более того, роль КНР (3-е место в мире по ВВП и по объему внешней торговли товарами) в ближайшие 5–7 лет будет одной из ключевых в системе мировых геополитических координат. Если к этому добавить еще индийский фактор, то радикальное обновление «большой восьмёрки» в ближайшее время, казалось бы, неизбежно и понятно.

Проблема в том, что Китай пока сам не форсирует процесс своего вхождения в «восьмёрку», сохраняя формально статус «развивающейся державы». Возможно, что данная ситуация связана с тремя обстоятельствами.

Во-первых, с желанием Китая сохранить формальные и неформальные связи с «развивающимся миром». В случае его перехода в «золотой миллиард» органическая связь между ним и странами Юга несколько ослабевает. Известно, что Китай всегда (при Мао Цзэдуэ, Дэн Сяопине, Цзян Цзэминь) позиционировал и продолжает позиционировать себя как защитника угнетенных афро-азиатских и латиноамериканских народов как часть третьего мира. Данный идеологический императив, усиленный нынешними китайскими экономическими возможностями, остается средством глобального, включая и евразийское пространство, влияния нынешнего Китая.

Во-вторых, налицо соображения чисто экономические. Статус развивающегося государства в свое время позволил Китаю получить ряд существенных преференций и бонусов при вступлении в ВТО (мягкий переходный период, льготные кредиты, программы для адаптации и др.). Этот же статус позволяет Пекину отчасти сохранять льготы и преимущества и сегодня. Не разделяя формально ответственность с лидерами G-8 за те или иные глобальные проблемы, Пекин имеет возможность критиковать их с позиции развивающегося мира, предлагая свои программы и решения. Показательными в этом отношении стали дискуссии и позиция Китая на климатическом форуме в Копенгагене (декабрь 2009 г.), международном экономическом форуме в Давосе (январь 2010 г.) и других. С позиций «не члена “G-8” китайские ученые и политики также критикуют западные страны (США) в провоцировании мирового финансового кризиса.

В-третьих, Пекин не торопится менять свой статус из желания поддержать складывающиеся перспективные альтернативные проекты типа БРИК - неформального сообщества таких стран, как Бразилия, Китай, Индия, Россия; РИК – Россия, Индия и Китай. Пекин поддерживает эти проекты с позиций «большой развивающейся страны», которая заинтересована становлении других (кроме США) финансовых и политических центров мира.

В 1997 г. Россию, как известно, приняли в "элитный клуб". Сегодня РФ раздражает многих членов «восьмёрки». Часть из них хотела бы выписать Москве «обратный билет». Однако существующие процедуры, которые не позволяют им сделать этого. Конечно, для России было бы желательным иметь в этом клубе стратегических партнеров в лице Китая и Индии, тогда проект РИК мог бы в рамках «большой восьмёрки» получить некое евразийское измерение.

Российско-китайские энергетические измерения в Евразии

В начале XXI в. происходит углубление и регионализация мировой энергетики, формирование «новых» региональных энергетических

пространств, прежде всего азиатско-тихоокеанского пространства (АТП) и евразийского энергетического пространства (ЕЭП). Формирование ЕЭП идет на основе развития единой системы газоснабжения, крупномасштабной торговли сырой нефтью, постепенной интеграции электроэнергетических систем, сотрудничества в области атомной энергетики.

Происходит обновление структуры глобального рынка нефти в условиях роста спроса и предложений на нефть и другие энергоносители. Однако высокие цены вызваны не только политическими факторами (Ирак, риски транспортировок морем, кризис на Ближнем Востоке, терроризм и др.), но и структурными сдвигами в производстве и потреблении нефти, которые создают так называемые «краткосрочные дефициты». В мировой экономике сегодня спрос на нефть примерно соответствует потреблению, дефициты же имеют региональный характер.

Произошло заметное изменение структуры, сложившейся за последние 20 лет мировой энергетики. Страны, прежде всего Индия и Китай, уже стали главными динамическими факторами мировой энергетики, порождая и замыкая на себе основной прирост потребления и новые межрегиональные потоки энергетических ресурсов. Можно говорить о выделении 5 базовых (страновых и субрегиональных) компонентов: 1) Китай (регион СВА), 2) Индия (регион Южной Азии), 3) Россия (как часть Евразии); 4) Казахстан, Туркменистан, Азербайджан (Каспийская зона Центральной Азии и Закавказья); 5) Индокитай (регион ЮВА).

Мощный экспортно-ориентированный нефтегазовый потенциал стран СНГ дополняет в основном угольную энергетику Китая и стран Индостана, создавая объективные предпосылки для дальнейшего энергетического сотрудничества. Одновременно, как в рамках ЕЭП, так и других геополитических зонах, происходит обновление структуры глобального рынка нефти в условиях роста спроса и предложений на «черное золото». Ряд экспертов считают, что в мировой экономике сегодня спрос на нефть

примерно соответствует потреблению, дефициты же имеют региональный характер: нефть не всегда оказывается там, где она больше всего нужна.

Месторождения, близкие к зонам потребления (Северное море, Мексиканский залив, Индонезия), уже почти исчерпаны. Формируется потребность в инвестициях в новые нефтеносные регионы Западной Африки, Центральной Азии, России, которые через некоторое время смогут заменить «традиционные» зоны.

Транснациональные компании становятся ведущими негосударственными игроками в региональных подсистемах международных отношений. Разработка богатств Каспийского моря, туркменский газ, развитие казахстанского и российского ТЭК, выработка электроэнергии в Таджикистане и Киргизии – все это требует больших инвестиций и скорейшей доставки на мировой рынок. В этом контексте особую роль играют два крупнейших государства Евразии – Россия и Китай, стратегическое партнерство которых, кроме собственно двустороннего формата, в современных условиях все больше приобретает международно-региональный характер, направленный на поиск дополнительных ресурсов для стабилизации и развития в ключевых евразийских субрегионах – от Каспия до Корейского полуострова.

По проблеме российско-китайского энергетического взаимодействия в России вышло значительное количество специальных и общих работ¹¹. Большинство ведущих экспертов согласны, что энергетический фактор для России и Китая становится все в большей степени фактором взаимного роста и соразвития на ближайшую и более отдаленную перспективы. В то время как с Западом у России складывается альтернативная (конфликтная) модель энергетического взаимодействия. Часть стран Европы пытаются навязать России свои требования и условия, не отвечающие российским

---

¹¹ Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия». Мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО, 2007; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Томберг И. Новые реалии нефтяного рынка и энергетическая политика России // Центральная Азия и Кавказ. 2004; №4(34), Бергер Яков. Об энергетической стратегии Китая// www.carnegie.ru; Эксперт, 24 мая, №1 (422).

национальным интересам. С другой стороны, объективные данные свидетельствуют, что у Запада (ЕС и США) по нефти и газу в ближайшее время не будет реальных альтернатив, адекватных российским энергетическим поставкам.

Основная фабула российских энергетических интересов все больше и больше концентрируется в АТР, в котором Китай и Индия стремительно формируют возрастающий спрос, а также Центральной Азии. Россия как производитель, поставщик и транзитер, как известно, имеет сильные позиции на центральноазиатском и восточноазиатском пространствах. Очевидно, что данные факты не стыкуются с американским стратегическим видением.

Благоприятная конъюнктура нефтяных рынков оказывает определяющее воздействие на характер и темпы роста экономики России. Российская нефтяная промышленность стремительно увеличивает темпы добычи и экспорта нефти. В 2004 г. общий экспорт нефти достиг 242 млн. т, в 2005 г. – 247 млн. т, в 2006 г. - 253 млн. т¹². Развитие экспорта по новым направлениям сдерживается существующей в России пропускной способностью нефтепроводов, которые позволяют доставлять только 150–160 млн. т нефти в год при потенциальном спросе в 210–240 млн. т¹³. Особенно это актуально для регионов Сибири и Дальнего Востока России, где такая инфраструктура до сих пор не создана.

С другой стороны, минерально-сырьевая база Восточной Сибири и Дальнего Востока России, по оценкам официальных лиц Министерства природных ресурсов, позволяет планировать годовые объемы добычи нефти на уровне 50 млн. т. В целом для поддержания стабильного уровня добычи до 2050 г. потребуется прирастить 1475 млн. т. Расходы федерального бюджета на проведение геологоразведочных работ в регионе будут увеличены в 3 раза¹⁴. В данные расчеты не включены ресурсы Западной Сибири и Саха-Якутии, которые по приблизительным прикидкам

---

¹² РИА–Новости, 02.06.2007.

¹³ Центральная Азия и Кавказ, 2004. №4(34). С.134.

¹⁴ www.oilru.com

(разведанные месторождения) превышают запасы Восточной Сибири по газу в 2,3 раза, а по нефти в 3,5 раза.

Самый перспективный для России с точки зрения сбыта регион СВА. В связи с промышленным развитием здесь наблюдается значительный и долговременный рост потребления энергоресурсов. К 2020 г. все страны и субъекты региона (КНР, Южная Корея, Тайвань, КНДР, Япония, Монголия) почти на 100% будут зависимы от импорта нефти¹⁵. В этой связи особое значение для российских экспортеров нефти приобретает проект: «Восточная Сибирь – Тихий Океан» (ВСТО), первая половина которого до ст. Сковородино в декабре 2009 г. запущена. Одновременно, российские компании «Роснефть» и «Транснефть» получили от китайских инвесторов 25 – миллиардный кредит под долговременные поставки сибирской нефти. Характерно, что Япония реализацию данного проекта воспринимает неоднозначно, хотя объективно ей, как и Китаю необходимы углеводороды.¹⁶

В российских политических и коммерческих структурах существовал и существует известный взгляд о том, что китайское направление в нефтяной экспортной стратегии России самое выгодное и оправданное с точки зрения российских интересов. В основе аргументации сторонников этого подхода тезисы о стабильности, долговременности и растущем спросе китайской промышленности на нефть, емкости этого рынка, географической и политической близости двух стран, связанных стратегическим партнерством.

---

¹⁵ АРЕС Energy Demand and Supply Outlook 2002. Токуо: АPERC, 2002. P.56.

¹⁶ В Японии часть экспертов, связанных с нефтяным бизнесом, считают, что большие затраты на строительство трубопровода ВСТО (15-18 млрд. долл.) могут сделать его нерентабельным или таким же по стоимости, как нефть, доставляемая из Персидского залива морем. К тому же, сибирская нефть по структуре «легкая» в отличие от более тяжелой ближневосточной нефти, которую традиционно потребляет Япония. В случае реализации сибирского проекта, японские промышленники должны будут нести большие затраты на перестройку оборудования нефтеперерабатывающих заводов технологически не готовых сегодня принять сибирскую нефть. Возможно, что за этой дискуссией стоят интересы лоббистских групп Японии, отстаивающих традиционные маршруты импорта нефти – крупные танкерные морские компании и др. С другой стороны более независимые эксперты убеждены, что политически данный проект необходим Японии, так как позволит разрушить возможную монополию Китая как возможного и основного потребителя сибирской нефти. К тому же Китай в случае получения всей нефти из Восточной Сибири сам мог бы выступить реэкспортером в страны СВА, включая Японию//www.worldenergy.ru

Другая часть экспертов отмечали факторы риска при односторонней ориентации на Китай, включая вероятность установления со стороны китайских потребителей монопольных цен на энергоносители. За этой дискуссией кроются более серьезные стратегические разногласия, имеющие место в российском крупном бизнесе и политической элите – сохранять ли одностороннюю ориентацию на Запад, включая энергетическое сотрудничество, или начинать процесс диверсификации экономической стратегии России, развивая азиатское направление. И начинать ее (диверсификацию) следует с создания нефтяных и газовых на Восток.

Сегодня меняется не только ценовая, но и геополитическая структура глобального нефтяного рынка. В странах СВА складываются основные «центры притяжения», вокруг которых и будет развиваться многостороннее сотрудничество в энергетической (нефтяной) сфере, невозможное без России. Москва может в этих условиях сыграть главную структурообразующую роль в становлении многостороннего евразийского энергетического (нефтяного) сотрудничества стран СВА и ЦАР.

Ряд российских экспертов скептически оценивают перспективы трехстороннего (РФ, КНР, Индия) экономического сотрудничества, включая энергетический аспект. Они отмечают, что потенциал Китая и Индии сегодня несоизмерим с российским, и Россия не сможет выступать в качестве равного партнера в данном «треугольнике»¹⁷. Однако, очевидно, что Индия для России может представлять интерес как потенциальный импортер углеводородов. Спрос на нефть в Индии ежегодно увеличивается на 10%. В этом смысле первые шаги в направлении российско-индийско-китайского сотрудничества на уровне совместной деятельности в рамках крупных российских нефтяных компаний достаточно позитивны, так как дают дополнительную возможность расширения инвестиционного сотрудничества

---

¹⁷ Иноземцев В.. Восточные игры российских «западников». Китай, Россия и Индия не образуют и не смогут образовать конгломерат // НГ, 20.01.2005.

Индии в разработку месторождений Сибири и российского Дальнего Востока¹⁸.

Таким образом, российское руководство и российский бизнес учитывают, что рост Китая превращает его в крупного глобального игрока на рынках энергетического сырья, капитала не только в регионе СВА, но на евразийском пространстве, включая постсоветскую Центральную Азию. Наряду с ВТС, Россия акцентирует внимание на поставках нефти и газа в КНР, электроэнергии, космических услуг, атомной энергетики, а также привлечение китайского капитала в экономику Дальнего Востока (инфраструктура, геологоразведка), куда сам российский капитал идет пока слабо.

Фундаментальное изучение в России китайского фактора в глобальном и региональном аспектах, особенно за последние годы,¹⁹ дает возможность исследователям рассмотреть ряд новых тенденций, связанных с Китаем.

Новые стратегические подходы КНР:

1) переход от пассивной линии поведения (т.е. развитие внешней политики исключительно через призму внутренних реформ) к активной внешней политике, призванной превратить Китай в реального участника глобальных трансформаций, военной политики и энергетической безопасности;

2) переход от политики приоритетности двусторонних отношений к многосторонней дипломатии;

3) активная защита за рубежом интересов Китая, китайского бизнеса и китайских граждан.

---

¹⁸ Индийские компании активно инвестируют деньги в сахалинские энергетические проекты, и их доля постоянно возрастает. Существуют инвестиционные планы Индии в рамках совместных с Россией СП по развитию ТЭК Восточной и Западной Сибири.

¹⁹ Титаренко М.Л.. Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. М.,2003; Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л.Титаренко / гл. ред.: С.Л.Тихвинский.М.,2004; Воскресенский А.Д.. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний.- М.,2004; Китай в мировой политике. М., 2001; Северо- Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., 2004; Китай: угрозы, риски, вызову развития. М.: Московский Центр Карнеги,2004.

В отличие от США и Японии у Китая сегодня нет и сколько-нибудь значительных стратегических запасов, которые могли бы быть мобилизованы в случае разрыва внешних потоков снабжения или в целях стабилизации при экстремальных колебаниях цен. Несмотря на то, что страна приступила к созданию стратегического нефтяного резерва, этот запас, учитывая объемы и потребности китайской экономики, пока не играет ключевой и долговременной роли в нефтяной безопасности Китая. По подсчетам экспертов, стратегический запас Китая необходимо увеличить до объемов 60-дневного потребления (свыше 40 млн. т) при годовом потреблении в 240 млн. т нефти²⁰.

На 2006 г. структура китайского импорта нефти была следующей: 56% дает Ближний Восток; 14% - АТР; 23,5% - Африка; 6,5% - Латинская Америка. Предполагалось, что объемы нефтеперевозок с Ближнего Востока должны были возрасти до 70%. Однако известные проблемы политической нестабильности в регионе и террористических угроз сдерживают расширение импорта углеводородов из этих регионов. В 2002 г. закупки Китаем нефти только в трех ближневосточных странах – Саудовской Аравии (11,5 млн. т.), Иране (10,7 млн. т.), Омане (8,3 млн. т.) – составили 43,3% от всего китайского импорта.

В 2003 г. Китай вышел на второе место в мире (после США) по объемам потребления нефти, взяв на себя около половины мирового прироста. В 2004 г., при увеличении ВВП на 9%, спрос на нефть в самом Китае превысил 14%. Однако и при таких объемах импорта и внутреннего производства и потребления спрос и нехватка нефти растут с каждым годом. Уже сегодня эксперты говорят об острой нехватке энергоресурсов (нефти и газа) для 1/3 китайских предприятий, которые именно по данной причине работают не на полную мощность²¹.

---

²⁰См.: Центральная Азия и Кавказ. 2004. №4(34). С.135-136.

²¹ Центральная Азия и Кавказ. 2004. №4(34). С.135-136.

В этих условиях Китай вынужден осваивать «рискованные» рынки – в Папуа Новой Гвинее, Анголе, Судане, Таиланде, Венесуэле. В Судане, Ираке и Перу приобретены права на разведку месторождений. Сегодня КНР проводит разведку и осваивает нефть и газ в 24 странах мира.

С другой стороны, внутри страны сложилась жесткая система защиты энергетической безопасности. Так, в ближайшее время вряд ли будет допущено строительство нефтеперерабатывающих предприятий с чисто иностранным капиталом. Что же касается предприятий со смешанным капиталом, то оно станет возможным при сохранении контрольного пакета за китайской стороной. Мощность каждого из вновь строящихся предприятий должна быть не менее 8 млн. т. Не будет поощряться создание иностранным капиталом систем сбыта нефтепродуктов, включая автозаправочные станции. Строительство предприятий со смешанным капиталом в этой области также допускается при контроле китайской стороны²².

Между китайскими нефтяными корпорациями существует определенное территориальное размежевание интересов. Китайская нефтегазовая корпорация действует на трех главных стратегических направлениях: в Северной Африке с опорой на Судан, в Центральной Азии и России с опорой на Казахстан и в Южной Америке с опорой на Венесуэлу. Ближний Восток, по-видимому, до сих пор не привлекал существенные инвестиционные вливания этой корпорации. Этот регион значительно больше привлекает инвестиции Китайской нефтехимической корпорации, которая одновременно является и главным китайским импортером нефти (до 80% всего объема импорта нефти). В 2003 г. ей удалость осуществить прорыв на иранский рынок, а в начале 2004 г. получить контракт на разработку крупнейших газовых месторождений в южной части Саудовской Аравии, что вызвало серьезное недовольство в США и попытки вытеснить китайскую компанию из этого региона.

---

²² Бергер Я. Об энергетической стратегии Китая // www.carnegie.ru

Таким образом, КНР, позиционируя себя в мире как государство, претендующее в будущем на новый статус великой державы, одновременно осознает свои стратегические слабости – отсутствие мощного ракетно-ядерного и энергетического обеспечения, адекватного геополитическим амбициям.

В регионе Северо-Восточной Азии (СВА) КНР позиционирует себя как ведущая держава, которая может и готова брать на себя реализацию любых крупных проектов. Во многом успешная реализация региональной стратегии Пекина связана с Россией. В 1997 г. Китай начал участвовать в освоении нефти в бассейне Каспийского моря. Китай вкладывает капитал в нефтяные промыслы в Актюбинской области, ведёт разведку и добычу нефти. Несмотря на большую разницу, которая существует в подсчетах общих запасов в данном регионе, оценки его перспектив похожи: считается, что бассейн Каспийского моря будет новым мировым источником энергии. Китайские ученые и политики признают, что пока КНР недостаточно участвует в освоении этого нефтяного района. В декабре 2009 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао официально открыл эксплуатацию газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – КНР, еще раз подтвердив серьезность своих энергетических целей в Центральной Азии.

Западные проекты по безопасности в Евразии

Евразия сегодня существует в двух условных измерениях: географическом и геополитическом. Причем эти понятия не всегда совпадают, иногда развиваются независимо друг от друга, двигаясь в разных направлениях. Регионы Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан), Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан), Среднего Востока (Турция, Иран, Афганистан) и др. сближаются, зачастую формируясь в некие новые региональные объединения типа «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и т.д. Аналогичные процессы регионального укрупнения происходят и на южном и

восточном флангах Евразии. «Классические» варианты региона Северо-Восточной Азии (КНР, КНДР, РК, Япония, Монголия) вбирают в себя страны из сопредельных ареалов – страны АСЕАН (ЮВА), Индию и др., расширяясь до мега - региона «Большой Восточной Азии».²³

На пространстве Евразии происходит активная институализация и регионализация. Система институтов и проектов, связанных с безопасностью, интеграцией и экономическим сотрудничеством (ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, ЕЭП, СВМДА, ГУАМ²⁴ и др.), не является единой, она противоречива и отражает различные интересы и мотивацию главных игроков данного пространства – США, ЕС, ОБСЕ, Россия, КНР и др. Россия и Китай, являясь евразийскими государствами, выстраивают собственные региональные балансы. Особенность этих конструкций в том, что Россия и Китай не создают каких-либо военно-политических блоков и союзов, они не пытаются восстановить старую биполярную схему эпохи «холодной войны», но они вынуждены гибко реагировать на новые глобальные и региональные вызовы, связанные с активизацией США на евразийском направлении. Особенность подобной реакции – мирное и конструктивное вовлечение в российско-китайское партнерство заинтересованных региональных игроков для разрешения кризиса или сдерживания потенциальных угроз. К сожалению, реальностью стал факт стратегического развертывания США и их союзниками своих проектов по безопасности вглубь Евразии – расширение НАТО, создание систем ПРО в Восточной Европе и АТР. Странам Запада присуща двойственность политики. Признавая Россию в качестве партнера, они продолжают сжимать вокруг нее свой «военный обруч», вытесняя Россию из постсоветского пространства и расширяя сферу своего влияния и

²³ Более подробно см.: Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия». Мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. 128 с.

²⁴ Справка. ГУАМ — межгосударственная организация, созданная в октябре 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией (с 1999 по 2005 г. в организацию также входил Узбекистан). Название организации сложилось из первых букв названий входящих в него стран. До выхода Узбекистана из организации именовалась ГУУАМ. 22 мая 2006 г. на саммите в Киеве было объявлено о преобразовании ГУАМ в "Организацию за демократию и развитие - ГУАМ" со штаб-квартирой в столице Украины. Были подписаны Устав организации и совместные декларации. Тематика форума – энергетическая, в плане создания альтернативных России энергетических «коридоров».

на западе (страны Восточной Европы, а сейчас уже и Украина) и на юге (Закавказье, Центральная Азия). Поэтому вряд ли свое военное присутствие на Кавказе или в Центральной Азии Запад считает «временным».

Особое (прикладное) значение в этой связи имеют НАТО-овские проекты «Партнерство ради мира» (ПРМ) и др., которые, несмотря на мирную фразеологию, являются частью большого стратегического плана США по созданию унитарной (панамериканской) модели, включая ключевые точки континента: Каспийская зона, Иран и сопредельные ареалы, постсоветская Центральная Азия, Корейский полуостров.

Инициатива "Партнерство ради мира" была задумана администрацией США и выдвинута НАТО на январском саммите 1994 г. Ее рассматривали как один из способов разрешения противоречия между политикой включения и исключения (*inclusive and exclusive policies*), которую решила проводить НАТО в своем продвижении на Восток. НАТО предложила тогда всем членам СБСЕ проводить мероприятия по военному сотрудничеству в рамках Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС)²⁵. В программе видели инструмент, облегчающий интеграцию нейтральных и неприсоединившихся западно- и восточноевропейских стран в стратегию НАТО. Интеграция западными аналитиками понималась как процесс дифференциации между перспективными и неперспективными партнерами в плане расширения НАТО. Партнерство облегчило бы укрупнение НАТО без полного исключения неперспективных членов из новой Европы и даже проложило бы путь к «особому углубленному диалогу» с Россией. Партнерство было также направлено на расширение влияния НАТО не только на Восточную, но и на Западную Европу, убедив ряд западных нейтральных стран, таких как Финляндия или Швейцария, сотрудничать с Североатлантическим альянсом. Программа партнерства с Россией, по замыслу американских стратегов, должна была способствовать

---

²⁵ Бруно Коппитерс. Партнерство ради мира с Центральной Азией.
[//www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455](http://www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455).

развертыванию программ сотрудничества между отдельными членами НАТО и центральноазиатскими странами СНГ, без чего такое присутствие НАТО в ближнем зарубежье России обязательно вызвало бы гнев Москвы. Военное сотрудничество между отдельными членами НАТО и СНГ вне рамок «Партнерство ради мира» также помогло бы НАТО в сборе разведанных о политике безопасности в СНГ, в информировании членов СНГ о западной стратегии и воплощении в жизнь принципов поддержания мира в регионах, куда западные правительства не заинтересованы посылать собственные войска²⁶.

«Партнерство ради мира» не ограничивалась военной политикой. Сотрудничество также касалось и невоенных вопросов, таких, как стихийные бедствия и защита окружающей среды. Со временем, по замыслу западных стратегов, ПРМ должна облегчить посредническую роль членов НАТО в конфликтах между партнерами по СНГ.

Как известно, структура ПРМ была связана со старой структурой СБСЕ. В свое время всем членам СБСЕ были предложены сферы военного сотрудничества, включая гласность в оборонной политике, демократический контроль за вооруженными силами, способность к взаимодействию с силами НАТО при проведении миссий по поддержанию мира и гуманитарных миссий, взаимные консультации в случае, если некоторые из участников ощутят серьезные угрозы своей территориальной целостности или политической независимости. В январе 1997 г. в ПРМ участвовали 27 стран, включая 16 стран НАТО.

Западные эксперты и политики считают, что как у США, так и у Европейского союза есть долгосрочные интересы в регионе, особенно связанные с разработкой его обширных нефтегазовых ресурсов, политической стабильностью и прокладкой газопроводов из Казахстана и Азербайджана на мировые рынки. Движение капиталов на мировой рынок не

---

²⁶ Бруно Коппитерс. Партнерство ради мира с Центральной Азией.
[//www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455](http://www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455).

сковано государственными границами. Даже если вовлеченность Запада в центр Азии еще не достигла такого уровня, чтобы он мог стать частью регионального комплекса безопасности, политика Запада в регионе активно формирует его внутреннюю структуру и внешние границы. ЕС имеет в Центральной Азии более широкие интересы, чем США, поскольку представляет собой важнейшего будущего потребителя энергоресурсов региона. В 2007 г. больше половины объема потребления импортированного газа странами ЕС приходилась на Россию. Прогнозируется дальнейший спрос на энергоресурсы, который будет покрываться главным образом из месторождений в Азербайджане и Центральной Азии. Энергетическая политика Европейского союза уделяет больше внимания газовым, нежели нефтяным месторождениям региона²⁷.

Проблема транспортировки сырья на мировой рынок не может, однако, быть решена без соглашений между центральноазиатскими производителями, западными инвесторами, Россией, Турцией и Ираном. Также по этой причине центральноазиатским правительствам нужно найти некоторый баланс между интересами соседних стран и возможностями, предлагаемыми не соседними странами. Организации по безопасности, подобные ОБСЕ и ССАС, в состав которых входят все перечисленные страны за исключением Ирана, имеют определенную привлекательность для центральноазиатских правительств. Они могут рассматривать оба института как фактор стабилизации конфликтующих интересов в своем регионе²⁸.

Другой западный вариант энергетического позиционирования связан с деятельностью известной организации ГУАМ, которая осуществляет транзит энергоносителей без участия России.

Суммируя новые подходы США и НАТО к евразийской политике безопасности, следует выделить следующие специфические моменты, появившиеся сравнительно недавно.

---

²⁷ Бруно Коппитерс. Партнерство ради мира с Центральной Азией.
[//www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455](http://www.analitika.org/article.php?story=20050517032322455)

²⁸ Там же.

Во-первых, евразийская стратегия США через НАТО и ее программы в настоящее время находится в стадии качественного роста. Фактически, сегодня Запад, отказавшись от традиционной для НАТО европейской политики в ее прежнем биполярном виде (как политики сдерживания СССР), переходит к глубинной евразийской политике безопасности, при которой Евразия рассматривается как важный, ключевой объект создания и расширения «зон ответственности» в этом регионе. Причем объект новой евразийской стратегии налагается на зоны потенциальных и реальных интересов России и Китая.

Во-вторых, в регионе возникают новые конфигурации институтов безопасности, связанные с новыми маршрутами транспортировки энергоносителей. Прежде всего, это запуск нефтепровода – Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД). Многие аналитики считают, что подключение Казахстана к данному проекту, где присутствует и военно-политическая составляющая, – попытка частично оторвать Астану от сложившейся системы сотрудничества Казахстана, России и Китая в евразийских проектах, шаг к созданию новой геополитической оси Восток–Запад, которая выстраивается в обход России. Пока официально в основу этой оси заложена экономическая составляющая. Ключевыми игроками создающегося союза являются Азербайджан, Турция, Грузия, США. Так, в 2005 г. в Баку состоялись встречи министров обороны стран – участниц проекта БТД и не исключено, что вслед за Казахстаном к новому союзу скоро присоединится и Украина²⁹. Однако маневры Астаны в западном направлении не следует драматизировать. Реалии 2007 г. показали, что Казахстан реализует ранее официально заявленную энергетическую повестку, одним из ключевых пунктов которой является право на диверсификацию экспортных энергетических потоков, включая и западные направления. Данная повестка, по сути, не противоречит сложившемуся формату российско-казахстанского

---

²⁹ Независимая газета. 24.05.2005.

и китайско-казахстанского сотрудничества в области энергетики и других сферах.

В-третьих, специфика институализации в Центральной Азии и сопредельных регионах изначально связана с наличием политически и экономически альтернативных проектов, отражающих различное видение дальнейшего стратегического развития региона, с одной стороны, стран Запада (США, ЕС, Турции и др.), с другой – России и Китая. В 1990-е годы страны ЦАР были в большей степени объектами различных технологий и манипуляций, включая и энергетическую. Сегодня ситуация отчасти изменилась. Выросла субъектность стран региона, особенно Казахстана и Узбекистана, которые показывают высокие темпы развития экономики. Однако геополитические и энергетические альтернативы развития в регионе, по существу, сохранились. Появление американских военных баз на территории трех государств ЦАР после 11 сентября 2001 г. лишь усилило скрытое противостояние в борьбе за новые энергетические «коридоры» и ресурсы. Как известно, открыт проект транспортировки энергоносителей Баку – Джейхан в обход России, при этом формируется и система российско-казахстанских и китайско-казахстанских транспортных и нефтяных трубопроводов.

В-четвертых, своеобразным компромиссом коллективных энергетических интересов является Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), созданный в 1992 г. Россией, Казахстаном и Султанатом Оман. КТК за 12 лет пережил много потрясений и реструктуризаций. Сегодня акционерами КТК являются крупнейшие мировые энергетические компании («Шеврон» – 15%, «Лукойл» – 12, «Мобилл» – 7, «Роснефть» – 7,5, «Шелл» – 7, и др.). Учитывая январские 2005 г. договоренности В.Путина и Н.Назарбаева, можно говорить о возможном увеличении экспорта казахстанской нефти через систему КТК с 24 до 62 млн. т в год.

В-пятых, западные проекты, первоначально ориентированные в том числе и на скрытую поддержку «оранжевых революций» на постсоветском

пространстве СНГ, в настоящее время в условиях кризиса «цветной идеологии», явно переформируются. Запад сохраняет лояльное отношение к узбекскому (И.Каримов), казахстанскому (Н.Назарбаев), туркменскому (Г.Бердымухамедов) и таджикскому (Э.Рахмон) лидерам в обмен на предполагаемую положительную реакцию последних в отношении новых («гуманитарных») инициатив «Партнерства ради мира» и проектов ОБСЕ. Несмотря на формальное сохранение на Западе проектов демократизации и политических реформ в центральноазиатских обществах, на самом деле там давно убедились, что реальным противовесом радикальному исламу в регионе остаются местные (авторитарные) светские режимы. Однако произносить «ритуальные заклинания» о «нарушении прав человека в Центральной Азии» и необходимости построения демократических обществ (по западным моделям) заставляют европейских и американских политиков и экспертов сложившиеся «правила игры», определяемые Брюсселем и Вашингтоном.

Для безопасности и стабильности государств регионов Евразии актуальны «традиционные» военные угрозы. Сохраняются очаги потенциальных межгосударственных и внутренних военных конфликтов: Индия-Пакистан, Афганистан и, не исключено, США – Иран. Опасность их активизации усугубляется появлением здесь новых ядерных государств, наращиванием ядерного оружия и средств его доставки. По сведениям МАГАТЭ, следы международных ядерных преступников обнаружены во многих частях земного шара. Из Пакистана, в частности, они ведут через Малайзию и Объединенные Арабские Эмираты в Северную Корею, Ливию и Иран. Или - из Германии, ЮАР и Тайваня "окольными путями" – в Исламабад. В центре этих ядерных трансфертов стоит Абдулла Кадыр Хан, владелец крупного состояния в Пакистане и одновременно радикальный исламист. К сожалению, нельзя исключать, что атомные технологии могут попасть и в руки террористов Аль-Каиды. В регионе не сложилось четкое понимание того, какая система безопасности наиболее эффективна. Региональная

стабильность поддерживается за счет двухсторонних военно-политических соглашений США с Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Афганистаном, Пакистаном и т.д.

Российские проекты по безопасности и экономическому сотрудничеству в Евразии

Российская Федерация связана разноуровневыми договорными партнерскими отношениями с центрально-азиатскими государствами в рамках СНГ (вопросы военной безопасности здесь призван решать штаб по координации военного сотрудничества – ШКВС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и другие и частью из них – союзническими в рамках Организации Договора о коллективной безопасности - ОДКБ.

Справка. Договор о коллективной безопасности (ДКБ) подписан 15 мая 1992 г. сроком на 5 лет с последующим продлением. Участниками ДКБ являются Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. Договор зарегистрирован 1 ноября 1995 г. в Секретариате ООН. 7 октября 2002 г. были подписаны Устав Организации ДКБ и Соглашение о правовом статусе ОДКБ. В соответствии с договором государства-участники обеспечивают свою безопасность на коллективной основе. Так, в ст. 2 договора говорится: «В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников, либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники будут незамедлительно приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы.» Одновременно в ст. 4 предусмотрено, что: «В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку

находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН».

ОДКБ на сегодняшний день – наиболее динамично развивающаяся военно-политическая структура в СНГ. Завершается формирование ее нормативно-правовой базы. Организация зарегистрирована в ООН. Идет работа по созданию военной составляющей организации, предназначенной для ответов на различные вызовы и угрозы. Созданы Объединенный штаб ОДКБ, Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР). За последнее время почти в 2 раза увеличена их численность за счет усиления батальонов из Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. На базе КСБР созданы мото- и горнострелковые подразделения, силы специального назначения. Они будут предназначаться для борьбы с террористическими группировками и перекрытия наркотрафика. В рамках КСБР развернута российская авиабаза в Канте (Киргизия). Приоритетная задача сил быстрого развертывания – войсковое обеспечение борьбы с международным терроризмом, боевых операций, прикрытие и оборона, при необходимости, границ стран – участниц, их противовоздушная оборона и решение других задач.

В настоящее время для России на евразийском пространстве необходима гибкая и многовекторная политика, направленная на создание возможности для военно-политического маневра при тех или иных изменениях международной обстановки. С учетом того, что в ЦАР образовалось несколько уровней и кругов сотрудничества, возникает потребность для каждого из них определить приоритеты, о которых, в соответствии с принципом транспарентности, должны знать и понимать их причинную обусловленность и союзники и партнеры. В противном случае наша внешняя политика будет непоследовательной и противоречивой. Что, кстати, имело место и вызвало определенное непонимание со стороны Китая в случае с отношением России к расширению НАТО или к созданию Америкой системы ПРО.

В будущем интересам России в большей мере соответствовала бы дихотомная система безопасности в Центральной Азии. Ее основными опорами могли бы стать, с одной стороны, военно-политический союз ОДКБ, предназначенный для коллективной обороны стран СНГ – первый радиус безопасности; с другой – стратегическое партнерство в рамках ШОС, направленное на нейтрализацию более широкого круга угроз, в первую очередь нетрадиционных, и в более обширном районе.

Российский «вклад» в евразийскую институализацию связан также с проектом Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Справка. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) — международная экономическая организация, занимающаяся формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка. 10 октября 2000 г. в Астане главами государств Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. В Договоре заложена концепция тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества для достижения целей и задач, определенных Договором о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве. Предусмотрены организационно-правовые инструменты реализации достигнутых договоренностей, система контроля за реализацией принимаемых решений и ответственности сторон.

Ресурсы ЕврАзЭС выглядят сегодня достаточно убедительными в связи с решением В.Путина и Н.Назарбаева, принятыми в январе 2006 г. в Астане, о создании российско-казахстанского Евразийского банка развития для финансирования проектов. Созданный банк, который опирается на большие российско-казахстанские активы, делает ЕврАзЭС более независимым от МВФ и других западных финансовых институтов. На октябрьском (2007 г.) «тройном» саммите СНГ-ЕврАзЭС-ОДКБ в Душанбе как самый главный результат - создание Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии.

Важно, что три успешных государства – Россия, Казахстан и Белоруссия – ускоряют движение интеграции. Если Таможенный союз покажет свою эффективность, к нему в скором времени присоединится Киргизия, позже Армения, Таджикистан и Узбекистан.

Свое место на евразийском пространстве занимает инициированная президентом Казахстана Н.Назарбаевым 5 октября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной ассамблеи ООН идея о созыве *Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)*, стержневой идеей которой была задача формирования общеазиатской структуры для обеспечения стабильности и безопасности в Евразии.

Справка. В состав СВМДА входят 18 государств-участников (10 из которых являются мусульманскими странами): Афганистан, Азербайджан, Египет, Индия, Израиль, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Палестинская автономия, Россия, Таджикистан, Таиланд, Турция, Узбекистан и Южная Корея. В качестве наблюдателей в совещании принимают участие представители еще 10 государств: США, Япония, Украина, Австралия, Вьетнам, Индонезия, Ливан, Малайзия, Сингапур и Шри-Ланка, а также международные организации — ООН, ОБСЕ и Лига арабских государств.

Цель проекта – выработка превентивных мер по укреплению взаимопонимания азиатских государств с учетом исторического опыта Европы (Хельсинское совещание) с последующим выходом на создание гармонично сконструированной системы безопасности на Евразийском континенте. Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА (1999 г.), и алматинский акт (2002 г.) заложили принципиальные подходы к фундаментальным проблемам современности – урегулированию региональных конфликтов, противодействию новым вызовам и угрозам – терроризму, религиозному и

этническому экстремизму, наркобизнесу, транснациональной преступной деятельности, незаконной торговле оружием и т.д. Разработан каталог мер доверия СВМДА. Это первый на азиатском континенте международный документ, предусматривающий многостороннее сотрудничество государств региона по внушительному списку проблем, связанных с укреплением стабильности и безопасности. Кооперативный подход к осуществлению мер доверия СВМДА, принятый в марте 2007 г. и направленный на реализацию каталога, – это серьезный инструмент Совещания, который может способствовать последовательному и динамичному развитию идей СВМДА.

Китай и Россия оказали поддержку инициативе Н.Назарбаева по созданию системы коллективной безопасности в Азии. Пекин заявил о своей готовности принять участие в двусторонних и многосторонних консультациях по вопросу реализации этого проекта. На состоявшемся 17 октября 2007 г. заседании Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) СВМДА, посвященном 15-летию Совещания, Республика Индия выразила готовность совместно с Республикой Корея и Азербайджаном, соответственно, стать со-координатором в области энергетической безопасности и сотрудничества в области развития безопасных и эффективных транспортных коридоров. Израиль предложил поделиться своим передовым опытом в области управления водными ресурсами, сельского хозяйства, высоких технологий и выразил готовность провести семинары по тематике одной или нескольких из перечисленных областей.³⁰

Российско-китайские проекты. Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС)

В евразийском российско-китайском стратегическом партнерстве все большее место и вес занимает совместный с 4 центрально-азиатскими республиками проект Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

---

³⁰ <http://www.pr.kg/n/detail.php?id=21047>

Председательство России в 2008 г. в этой организации делает тему еще более актуальной и востребованной как в практическом, так и научно-исследовательском отношениях.

Справка. Шанхайская организация сотрудничества первоначально оформилась в рамках пяти государств (Китая, РФ, Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана), как «Шанхайская пятерка» в ходе переговоров и подписания в Шанхае в 1996 г. соглашения «Об укреплении доверия в военной сфере в пограничных районах». В апреле 1997 г. в Москве было подписано соглашение «О взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах». На этапе существования «Шанхайской пятерки» основные задачи организации были: 1) борьба с терроризмом; 2) национальным сепаратизмом; 3) религиозным экстремизмом (борьба против «трех зол»). 15 июня 2001 г. после вступления Узбекистана организация была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества, приняты Хартия, Устав и другие документы. В 2005 г. создан институт наблюдателей ШОС, в который вошли Монголия, Индия, Пакистан, Иран. В настоящее время ШОС, кроме традиционных направлений по безопасности, реализует программы по торгово-экономическому, интеграционному, энергетическому, транспортному и гуманитарному сотрудничеству. Созданы специальные институты и механизмы их реализации – Межбанковское объединение (МБО), Деловой Совет ШОС, Фонд Развития (Инвестиционный банк), научно-экспертный Форум ШОС, 15 видов совещаний различных ведомств ШОС и др. Население стран ШОС вместе со странами наблюдателями составляет более 3 млрд. человек. Военно-стратегический потенциал ШОС – 4 ядерных державы, Россия и Китай - де-юре и Индия, Пакистан – де-факто. В 2005 г. состоялись учения России и Китая «Мирная миссия – 2005 г.» на территории КНР, а также серия российско-индийских сухопутных и морских военных маневров в 2004–2005 гг. В 2007 г. на территории России (под г. Чебаркулем) проведены военные учения всех участников ШОС. По

всем уставным документом ШОС не является военно-политическим блоком или союзом государств. Все решения принимаются через механизм консенсуса 6 государств-членов ШОС.

Сформировалась достаточно емкая международно-правовая и концептуальная база документов организации. Исходя из наработок саммитов в Душанбе (2008 г.), Бишкеке (2007 г.), Шанхае (2006 г.), Астане (2005 г.), Ташкенте (2004 г.) и других официальных конференций и совещаний (СМИД ШОС, совещаний глав правительств ШОС, руководителей национальных СБ и др.), следует особенно отметить: а) уставные документы организации (Хартия и Устав ШОС); б) Бишкекский «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС» от 16 августа 2007 г.; в) соглашения «О порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов ШОС» (2006 г.), «О сотрудничестве в области выявления и перекрытия проникновения на территории государств-членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» (2006 г.), «О технической защите информации в РАТС ШОС» (2006 г.), «Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 гг.» (2006 г.); г) «Конвенция о привилегиях и иммунитетах ШОС»; д) Декларация саммита в Астане (2005 г.), «Соглашение между членами ШОС о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков», «Положение о статусе наблюдателя», и др. Сформулированы документы о статусе наблюдателей (Монголия, Иран, Индия, Пакистан), прорабатывается механизм вступления новых членов в организацию, документы экономического блока, реакция и механизм действий ШОС на природные бедствия; о расширении зоны ответственности ШОС на афганском направлении и многие другие. Перечень этот неполный: естественно, в него будут внесены документы текущего характера, связанные с дальнейшим

расширением антитеррористической и экономической деятельности организации, а также с процессом дестабилизирующего влияния «цветных революций» в зоне ШОС (Кыргызстан, Узбекистан).

Суммируя перечень официальных документов, можно сказать, что ШОС не только де-юре и де-факто непосредственно вышла на глобальный и региональный уровни как реально действующая сила, но и приобрела мощный экономический и политический сдерживающий потенциал, направленный как против «трех зол», так и гегемонизма во всех его проявлениях.

Важно отметить, что в официальных документах сформулировано главное, отличающее ШОС от некоторых других международных организаций, – отсутствие в ее природе каких-либо силовых начал, ориентированных на конфронтационное взаимодействие, открытый характер организации, не направленной против других государств или многосторонних объединений. Анализ Хартии ШОС и документов Бишкекского (2007 г.), Шанхайского (2006 г.), Астанинского (2005 г.) и Ташкентского (2004 г.) саммитов показывает, что никакой собственной военной составляющей в организации не предусматривалось. В этом плане попытки интерпретировать ШОС как закамуфлированный военный блок или проводить параллель между РАТС и «Интерполом» лишены оснований.

Принципиально важным документом, вызвавшим среди экспертов и политиков различные комментарии, стала Декларация саммита ШОС в Астане, в которой, в частности, говорится: «Ряд стран ШОС предоставил свою наземную инфраструктуру для временного размещения военных контингентов государств-участников коалиции, а также свою территорию и воздушное пространство для военного транзита в интересах антитеррористической операции. Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства-члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились

с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран-членов ШОС»³¹.

Как известно, официальный Ташкент сумел практически применить положения данного документа и заставить США вывести свои части из Ханабада. Вместе с тем данная Декларация по-разному оценивалась политическими и экспертными сообществами стран ШОС. Так, часть киргизских экспертов достаточно критически ее оценивала, предлагая свою интерпретацию проблемы безопасности в регионе. В некоторых киргизских Интернет-сайтах была, например, размещена следующая информация: «Присутствие американских военных баз в Киргизии и Узбекистане не только является ключевым сдерживающим экстремистов фактором в регионе, но и вообще единственной геополитической опорой как "революционных" киргизских властей, так и "контрреволюционных" властей Узбекистана. Ни Узбекистан, ни Таджикистан, ни Киргизия просто не располагают ресурсами, чтобы после ухода американцев надежно защитить свои границы от вторжения боевиков как с территории Афганистана, так и с территорий самих этих государств ...Страны ШОС, вопреки собственным заявлениям, на данный момент не в состоянии самостоятельно решить проблемы региона»³². Подобные комментарии, по крайней мере, означали, что среди экспертов стран Центральной Азии существуют альтернативные точки зрения на проблему безопасности в регионе и на роль США, России, Китая в борьбе с терроризмом и исламским экстремизмом. Очевидно, что данная проблема является не только научной, но и в какой-то степени отражает политическую борьбу, происходящую в центральноазиатских обществах и политических элитах.

---

³¹ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Астана, 5.07.2005

³² К Декларации ШОС о базах «антитеррористической коалиции» в Кыргызстане.
[//http://www.analitika.org/article.php?story=20050926235029443](http://www.analitika.org/article.php?story=20050926235029443)

В российском дискурсе доминируют работы, в которых анализируется комплексная проблематика ШОС либо российская и/или российско-китайская мотивация участия в данном проекте³³. В России в рамках академических и образовательных институтов сложилась достаточно стройная исследовательская структура, занимающаяся проблематикой ШОС³⁴. В российском спектре оценок и мнений, включая и публикации периодических изданий, сталкиваются разные методологические и теоретические подходы³⁵. В ряде статей вольно или невольно просматривается идея использования ШОС не только как средства борьбы против терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма, но и как скрытый ресурс России и Китая для «сдерживания» Запада (США, НАТО) и ресурс адекватного реагирования на новые вызовы и угрозы в Центральной Азии³⁶. В отдельных статьях используется и «конформистский» подход, обрекающий ШОС на неизбежную американизацию и смену стратегии развития³⁷. Часть ученых и экспертов считают, что для ШОС приемлема и «кооперативистская» стратегия, предполагающая полный и радикальный переход к открытой модели сотрудничества и кооперации с западными участниками как на экономическом, так и военно-политическом уровнях.

³³ Логвинов Г. Шанхайская организация сотрудничества – качественный шаг вперед // Проблемы Дальнего Востока. 2002, №5.

³⁴ См.: Портяков В.Я.. Шанхайская организация сотрудничества: достижения, проблемы, перспективы / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII.: ИДВ РАН, 2007. С. 30–31.

³⁵ Болятко А.В., Клименко А.Ф.. Проблемы повышения эффективности работы Шанхайской организации сотрудничества. М.: ИДВ РАН, 2002; Клименко А.. Особенности интеграционных процессов в Азии и их влияние на безопасность в регионе // Военная мысль. 2003. №6; Клименко А.. Развитие военно-политического сотрудничества между Россией и Китаем в Центральноазиатском регионе в рамках ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2005. №2; Лукин А., Мочульский А.. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки, вып. 2(4), февраль 2005. М.: МГИМО, 2005; Лузянин С.Г. Россия и Китай в Центральной Азии. Проблемы развития ШОС // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005 <http://www.analitika.org/article.php?story=20050329052500844>; Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г.. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика межрегионального и международного взаимодействия. М.: МГИМО МИД РФ, 2004; Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: РИСИ, 2005.

³⁶ Косачев К.. ШОС как альтернатива американскому влиянию в Центральной Азии // Независимая газета, 29.09.2003.

³⁷ Гордиевский А.. Политика вместе, а экономика – врозь? До настоящего партнерства в ШОС пока далеко // Assandì – Times.-2004.- 23 января

Следует отметить, что, на наш взгляд, ШОС пока не готова развиваться в рамках исключительно последних двух методологий. Хотя элементы кооперативистской стратегии в экономической и отчасти военной сфер уже используются (проекты ШОС – НАТО, идея интеграции в зоне ШОС и др.), объективная реальность такова, что в ЦАР сегодня и на ближайшее будущее будут параллельно развиваться 4 основных проекта, связанных с безопасностью: 1) ОДКБ СНГ; 2) ШОС; 3) «Партнерство ради мира» – НАТО; 4) Совещание по взаимодействию и мерам безопасности в Азии (СВМДА). Удельный вес и значимость каждого различны. Следует подчеркнуть доминирующую роль первых двух в плане влияния их на ситуацию в Центральноазиатском регионе. Проект НАТО, возможно, будет развиваться более интенсивно и охватывать не только военные и гуманитарные области, но и претендовать на превращение в системный проект в среднесрочной перспективе. Многое здесь будет зависеть от позиций Узбекистана и Казахстана и влияния «цветных революций» на эти страны. Учитывая последние тенденции: стратегическое сближение Узбекистана с Россией и Китаем, отход Ташкента от односторонней американской ориентации, слияние Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) с ЕврАзЭС, можно говорить о значительном укреплении ШОС в региональном контексте в плане сдерживания политики НАТО в регионе.

Что касается Совещания по взаимодействию и мерам безопасности в Азии (СВМДА), то, благодаря инициативе президента Казахстана Н.Назарбаева, прошедшие в 2004 г. и начале 2005 г. совещания СВМДА в Астане, несмотря на широкий состав участников, носили больше декларативный характер и не стали реальным инструментом укрепления безопасности в регионе. Не удалось СВМДА и выступить реальным посредником в индо-пакистанских разногласиях. Более эффективную методику в данном вопросе демонстрирует ШОС, которая объединила Индию и Пакистан в рамках института наблюдателей и активно работает с ними в плане их дальнейшего сближения.

Ряд российских экспертов обозначает следующие возможные сценарии развития организации на альтернативной основе:

- 1) как менее вероятный, но теоретически возможный вариант: развитие ШОС как открытой организации с широким составом участников, а то и интегрированной с западными структурами;
- 2) как более вероятный, дальнейшее развитие организации в виде альянса, имеющего антизападную направленность;
- 3) формирование ШОС с усилением лидирующих позиций России;
- 4) формирование ШОС с усилением лидирующих позиций Китая;
- 5) расширение на основе открытого регионализма – за счет привлечения к ШОС государств-наблюдателей (Ирана)³⁸.

Первый сценарий, как справедливо отмечает проф. Дина Малышева, не даст осуществить ШОС задачи, которые ставит перед собой эта организация, поскольку почти наверняка ее участники вынуждены будут встраиваться в линию поведения, диктуемую естественным лидером НАТО – США. А они, как показывают их отношения со своими «партнерами» на постсоветском пространстве, например, не допускают ни малейших отклонений от начертанного ими политического курса. И, следовательно, в случае реализации такого сценария на существовании ШОС в качестве самостоятельного регионального объединения можно будет поставить крест. Иное дело, что координация действий ШОС с НАТО и США по отдельным проблемам обеспечения безопасности в Азии, в том числе и теми, что связаны с нейтрализацией религиозного экстремизма, были бы не только нужными, но и полезными³⁹.

Второй сценарий нацеливает ШОС на конфронтацию, и он не несет в себе конструктивного заряда, поскольку способен привести к ненужной политической напряженности в регионе: силы и ресурсы участников ШОС наверняка будут отвлечены от более значимых для участников организации

---

³⁸ Малышева Д.Б.. Перспективы расширенной ШОС как межрегиональной структуры безопасности в свете новых политических вызовов в Центральной Азии // www.analitika.org.

³⁹ Малышева Д.Б.. Перспективы расширенной ШОС как межрегиональной структуры безопасности в свете новых политических вызовов в Центральной Азии // www.analitika.org.

проблем, связанных в первую очередь с поддержанием безопасности. Но поскольку изначально ШОС и создавалась как организация, способная создать альтернативу усиливающемуся влиянию Запада в Центральной Азии и соседних с ней странах, то исключить элементы соперничества между ШОС и западными военно-политическими структурами едва ли удастся. Более того, в настоящее время де-факто происходит практическая реализация второго сценария и выстраивание своеобразной региональной системы взаимного политического сдерживания между НАТО и ШОС/ОДКБ на постсоветском пространстве.

Третий и четвертый сценарии также не представляются особенно удачными, так как они предполагают обязательное наличие государства-лидера и общего противника. Однако уникальность ШОС в том, что она методологически строится на основе концепции *кооперационной безопасности* (cooperative security) и эта модель «характеризуется учетом различных измерений международной безопасности, интересов негосударственных акторов международных отношений...не исключает использования военной силы, допускает наряду с сотрудничеством на основе взаимодополняющих друг друга интересов соперничество за ресурсы и влияние»⁴⁰.

Важной представляется и проблема включения в качестве наблюдателей ШОС непримиримых соперников Индии и Пакистана.

Очевидно, что для России в индо-пакистанской «связке» ключевым элементом является Индия. Последняя, как известно, еще в апреле 2004 г. официально обратилась в ШОС с просьбой о приеме. Мотивы Дели хорошо известны – привлекательная для Индии антитеррористическая направленность ШОС, борьба с наркотрафиком. Кроме того, растущий азиатский гигант испытывает энергетические проблемы обеспечения

---

⁴⁰ Фельдман Д.М. Модели международной безопасности: выбор для российской элиты// Национальные интересы и проблемы безопасности в меняющемся мире. Материалы семинара. М.; ИМЭМО РАН, 2003, С.14.

углеводородами, которые могли бы частично быть восполнены за счет Центральной Азии – государств-членов ШОС.

Положительным моментом в деле интеграции ШОС с Индией остается набирающий силу процесс нормализации китайско-индийских отношений. Нельзя, конечно, говорить, что Пекин уже стал неким лоббистом Дели в ШОС, но то, что он не имеет по поводу Индии принципиальных возражений, стало объективным фактом. Часть экспертов говорит даже о возможности «перевода» Индии в ближайшее время в ранг постоянного члена ШОС. Теоретически это возможно, но для практической реализации Индии необходимо преодолеть ряд объективных препятствий, чтобы стать постоянным членом ШОС. Так, российские эксперты И.Н. Комиссина и А.А. Куртов⁴¹ справедливо указывают на неприсоединение Индии к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), что противоречит установкам других участников ШОС на строгое следование режиму нераспространения, который рассматривается в качестве важнейшего принципа обеспечения мира.

Другое обстоятельство связано с наличием традиционных хороших отношений между Индией и Россией, с одной стороны, и Пакистаном и Китаем, с другой. Исходя из этого «параллелизма», а также из сохраняющегося конфликтного потенциала Индии и Пакистана, Дели и Исламабад теоретически должны быть приняты в ШОС одновременно, чтобы «не обидеть» одну из сторон и не нарушить сложившегося баланса сил в регионе. Учитывая нерешенность кашмирского вопроса, вряд ли руководство ШОС захочет интегрировать конфликтную «зону» в ШОСовское пространство. Статус же наблюдателей позволяет ШОС выступать неким посредником в деле дальнейшей нормализации индо-пакистанских отношений, не беря на себя особой ответственности.

В-третьих, проблема иранского фактора. В отличие от индо-пакистанского включения в институт наблюдателей, которое уже давно

---

⁴¹ Комиссина И.Н., Куртов А.А. ШОС.: становление новой реальности. М.: РИСИ, 2005.- С. 65.

просчитывалось экспертами, более сложной представляется ситуация с Ираном, который в связи с реализацией своей ядерной программы, а также рядом публичных высказываний президента Ирана М. Ахмадинежада все больше и больше входит в открытую конфронтацию с Западом и его официальными институтами – МАГАТЭ, СБ ООН, включая пятерку постоянных членов, двое из которых (Россия и Китай) являются участниками по ШОС. Понятно, что для руководства Исламской Республики Иран участие в организации дает возможность получения дополнительного политического ресурса в противостоянии с США и его союзниками. Более важна в данном случае мотивация участников ШОС по вопросу сближения с Ираном.

С одной стороны, очевидным фактом являются большие энергетические возможности Ирана – крупнейшего нефте- и газодобывающего государства, которые хотели бы использовать Индия и Китай. Как известно, уже реализуется крупный ирано-индийский газовый проект, связанный с поставками газа в Индию. В данном проекте объективно заинтересован и Пакистан, также стремящийся подключиться к иранскому газу. Российский интерес обусловлен углублением российско-иранского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики (строительство АЭС в Бушере) и развитии выгодных Москве транспортных «коридоров» Север–Юг.

С другой стороны, сближение ведущих государств ШОС с Ираном создает угрозу ухудшения их отношений с США. В первую очередь это касается Индии, России и Пакистана. Понятно, что ШОС как структура, альтернативная американским проектам, в какой-то степени заинтересована в политическом сближении с Ираном, но до определенной степени. Дальнейшая конфронтация с Западом неизбежно закончится де-факто военной нуклеаризацией Тегерана и ответными силовыми акциями США и НАТО в отношении «взбунтовавшегося» исламского лидера. Деликатность иранской ситуации применительно к позиции Индии и Пакистана в том, что Тегеран, по сути, идет тем же путем, которым в свое время пошли Дели и

Пакистан – игнорирование международно-правовых норм (положений ДНЯО) и создание (де-факто) ядерного оружия. Как известно, после 1998 г. (ядерных испытаний в Индии и Пакистане) мировое общественное мнение во главе с США смирилось с реальностью и «простило» нарушителей, но прецедент был создан. Теперь Тегеран (как и Пхеньян), учитывая национальную специфику, готовят свои версии дальнейшего ядерного развития. Однако, несмотря на наличие претензий международного сообщества к Ирану, вопрос о переходе ИРИ в группу постоянных членов ШОС остается открытым. Не исключено, что Секретариат ШОС может вынести и положительное решение на иранскую заявку о принятии Тегерана в ШОС. В данном случае это будет означать, что организация берет на себя определенную ответственность за нераспространение иранской ядерной программы в военной сфере.

Китайские подходы. Китайские ученые активно занимаются центральноазиатской проблематикой, традиционно концентрируясь на важности и необходимости борьбы Шанхайской организации сотрудничества против «трех зол – терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма». Причем вопрос о борьбе с трансграничным уйгурским сепаратизмом доминировал в исследованиях.⁴² После создания международной антитеррористической коалиции и американских военных баз в ЦА, китайские ученые стали акцентировать внимание на трех проблемах.

Во-первых, на освещении антиамериканской направленности самого факта существования ШОС и ее деятельности. Так, директор исследовательского Центра ШОС и Центральной Азии Фуданьского университета (г. Шанхай) проф. Чжао Хуашэн отмечал, что военное присутствие США в Центральной Азии воспринимают как начало создания нового механизма безопасности, который

---

⁴² См.: Дэн Хао. Новые подвижки и тенденции развития ситуации в Центральной Азии // Ляован. 2001. №42. С. 20–31; Цзиньцунь Ван. Переход исторического значения: от «Шанхайской пятерки» к Шанхайской организации сотрудничества // Шицзе цзинци юй чжэнчжи яньцзю. Пекин. 2001. №9. С. 76–88; Син Гуанчэн. Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом // Центральная Азия и Кавказ. 2002. №12. С. 37–41.

может и не стать альтернативой ШОС, а, наоборот, стимулирует углубление координации и сотрудничества между НАТО и ШОС⁴³.

Во-вторых, все чаще стала обсуждаться идея расширения «зоны ответственности» организации. Причем ШОС в данном контексте рассматривалась как один из первых коллективных рычагов сохранения баланса сил и стабильности в «зонах ответственности» Китая и других стран-участниц организации. Тот же Чжао Хуашэн подчеркивал, что ШОС должна взять на себя ответственность за стабильность и безопасность в более широком географическом масштабе, включая регион Афганистана, Южной Азии и Кавказа⁴⁴.

В-третьих, на определении долговременных стратегических задач ШОС в свете китайских национальных интересов. Так, некоторые китайские эксперты, например, заместитель директора Научно-исследовательского института «Шанхайская организация сотрудничества» Ли Лифань и сотрудник Института Центральной Азии Ланьчжоуского университета Дин Шиу считают, что «...в результате долгого поиска и тщательной подготовки центральноазиатская стратегия Пекина определилась. Она направлена на то, чтобы, опираясь на ШОС, активно участвовать в решении проблем региона, развитии отношений с его странами, укреплении стабильности и процветания, а также реализации своих стратегических интересов, которые, прежде всего, сосредоточены в сфере освоения ресурсов Центральной Азии»⁴⁵.

Следует отметить, что проблема борьбы с трансграничной уйгурской преступностью также прошла определенную эволюцию как в Китае, так и странах ЦА. Если до 2001 г. китайские власти полностью закрывали всю информацию по так называемому «уйгурскому вопросу», то в настоящее время есть определенная кооперация между спецслужбами стран ШОС, опубликованы списки террористических организаций и лиц, проведена выдача Китаю ряда уйгурских боевиков казахстанскими и киргизскими

---

⁴³ Чжао Хуашэн. ШОС и соотношение великих держав на фоне новой ситуации в регионе ЦА // *Analitic*. 2003. № 1. С.3.

⁴⁴ Чжао Хуашэн. Ук. Соч. - С.4.

⁴⁵ Центральная Азия и Кавказ, 2004. №3. С.164-165.

властями.

В конце марта 2004 г. Кыргызстан и Китай ратифицировали так называемый «договор о выдаче», по которому обе страны официально обязались обмениваться своими гражданами, приговоренными к лишению свободы за уголовные преступления китайскими и киргизскими судами. По этому договору несколько уйгуров, осужденных за преступления против китайских представителей, работавших в Кыргызстане, были выданы китайским властям и по приговору суда казнены.

Широкая палитра мнений и оценок представлена в последнее время *центральноазиатскими учеными*. Особенно следует обратить внимание на дискуссии в Казахстане и Узбекистане, отражающие не только разные подходы тех или иных экспертов, но и столкновение мнений в правящих элитах по перспективам и проблематике ШОС. Так, по мнению директора Института стратегических оценок при президенте Казахстана Марата Ашимбаева, не следует «политизировать ШОС и использовать ее в геополитических целях для ограничения влияния отдельных стран»⁴⁶. Данный тезис развивает узбекский эксперт Фархат Толипов, который считает, что Россия и КНР пытаются в рамках ШОС реанимировать «философию холодной войны и отжившего биполярного мира»⁴⁷. Возможно, что подобные оценки связаны с опасениями части правящих элит Казахстана и Узбекистана оказаться в ШОС «младшими братьями», зависимыми от Китая и России. «Постимперский» синдром характерен в той или иной мере и для представителей Кыргызстана и Таджикистана.

В последнее время, особенно после событий в Бишкеке 24 марта 2005 г., в узбекских публикациях проявились новые моменты. Часть экспертов осторожно проводят мысль о том, что ШОС могла бы более жестко выступить против «цветных революций» в ЦАР, которые дестабилизируют ситуацию в регионе. Среди экспертов стран СНГ имеются и неоднозначные оценки трагических

---

⁴⁶ Ашимбаев М.. Ситуация в ЦА после 11 сентября и развитие ШОС // Ситуация в Центральной Азии и ШОС: сборник материалов конференций. Шанхайский институт международных отношений. Шанхай. 2003. С. 237.

⁴⁷ Толипов Ф.Ф. Организация центральноазиатского сотрудничества в ШОС // Ситуация в Центральной Азии и ШОС. 1У международная конференция. Шанхай. 2003. С. 289.

андижанских событий в мае 2005 г. в Узбекистане. Официальная версия узбекского руководства, как известно, связана с исключительно исламской интерпретацией андижанских событий как попытки захвата власти в Ферганской долине боевиками движения «Акрамийя» и установления там исламского халифата. В Ташкенте в 2005 г. состоялся суд над акраристами, обвиняемых в попытке государственного переворота в Узбекистане (г.Андижане). Часть наблюдателей считали, что, кроме исламского фактора, причиной андижанских событий были нищета и социальная напряженность среди простого населения Узбекистана. В любом случае, оценки и уроки Андижанских событий связаны в том числе и с недооценкой социальных факторов, на которые сегодня обращает внимание секретариат ШОС при анализе потенциальных конфликтных ситуаций в регионе.

Оригинальный подход демонстрирует казахстанский ученый и эксперт Константин Сыроежкин. В ряде его работ просматриваются элементы кооперационной методологии. Так, характеризуя механизмы обеспечения международной безопасности в Центральной Азии, он отмечает, что «сотрудничество, а не конкуренция между Россией, США, Европой и Китаем в Центральноазиатском регионе не только желательно, но и необходимо. А отсюда – необходимость определиться с перспективой диалога в формате ШОС – США и ШОС – НАТО»⁴⁸.

Экономические интересы КНР в ШОС условно можно представить в виде 4 связанных между собой компонентов: 1) торгово-инвестиционный; 2) транспортный; 3) евразийский (транзитный); 4) энергетический.

В 2004 г. на совещании глав правительств в Бишкеке премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао прямо заявил, что «самое важное для ШОС – это экономика»⁴⁹. На совещании был утвержден «План мероприятий» по реализации «Программы многостороннего торгово-экономического

⁴⁸ Сыроежкин К.Л. Китай и Шанхайская организация сотрудничества // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / отв. ред. Г.И.Чуфрин. М.: Наука. 2007. С. 289.

⁴⁹ Цит. по: *Абатуров В.* Осеннее давление геополитики. <http://www.review.uz/archive/article.asp?y=2005&m=77&id=313>.

сотрудничества», включающий более 100 конкретных проектов и направлений взаимодействия и предусматривающий механизмы их реализации. Были определены направления совместной работы: 1) энергетика; 2) транспорт; 3) телекоммуникации; 4) сельское хозяйство; 5) производство бытовой техники; 6) легкая и текстильная промышленность; 7) туризм; 8) водное хозяйство и экология⁵⁰. Главы правительств пришли к общему пониманию необходимости развивать уже существующие транснациональные энергетические магистрали, а также строить новые. В организации прорабатываются планы возобновления работы нефтепровода «Омск – Павлодар – Чимкент – Чарджоу», совместной эксплуатации кыргызского участка газопровода «Бухарский газоносный район – Ташкент – Бишкек – Алматы», а также проект по сотрудничеству в области транзита среднеазиатского и российского газа. В ходе встречи кыргызская сторона предложила обсудить возможности коллективного сотрудничества в реконструкции объектов гидроэнергетики в Кыргызстане, гидроресурсы которого используются во всем регионе.

Экономическая стратегия Китая и России в рамках ШОС развивалась поэтапно и прошла определенную эволюцию. В 2004 г. Бишкеке китайским премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао была сформулирована и предложена для рассмотрения концепция создания зоны свободной торговли ШОС (ЗСТ)⁵¹. Это предложение было с настороженностью встречено большинством членов организации, поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами возникала угроза вытеснения с рынка товаров и услуг ЦА товаров национального производства. Для России создание ЗСТ ШОС чревато закреплением сырьевой направленности ее экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью переработки.

В 2004 – 2006 гг. на экспертном и политическом уровнях ШОС был

---

⁵⁰ См., в частности: <http://russian.china.org.cn/russian/43044.htm>.

⁵¹ Фроленков В.С.. Позиция КНР по вопросу развития торгово-экономического сотрудничества в ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М., ИДВ РАН, 2007. С. 248–249.

выработан и согласован единый подход о преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран. На заседании Совета глав правительств (СГП) ШОС в Москве в октябре 2005 г. премьер Госсовета Китая Вэнь Цзябао предложил перевести экономическое сотрудничество в организации в практическую плоскость. При определении экономических и инвестиционных приоритетов было решено опираться на предпринимателей и Деловой совет ШОС, первое заседание которого прошло накануне заседания СГП. Деловой совет будет содействовать реализации проектов входящих в ШОС государств в области энергетики, транспорта, а также в гуманитарной сфере⁵². На 2008–2010 гг. в рамках сотрудничества между КНР, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном планируется реализация 87 новых транспортных проектов. Основной из них - строительство транспортного «коридора» от Каспия до Китая (через Россию, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан). Пекин добился освоения китайского кредита в рамках совместных проектов и программ ШОС. Речь идет о кредитах на 920 млн. долл., которые КНР частями предоставила в 2007 г. Кыргызстану, Таджикистану и Казахстану на развитие различных инфраструктурных и энергетических объектов в этих странах (дорог, ГЭС, ЛЭП и др.).

В экономическом плане, несмотря на отдельные несовпадения экономических интересов России и Китая в Центральной Азии, нет оснований говорить о растущем соперничестве двух держав в этом регионе. Механизмы ШОС, на наш взгляд, сглаживают эти противоречия, помогая адаптировать российские и китайские интересы к потребностям инфраструктурного и социально-экономического развития в зоне ШОС. В этом плане следует согласиться с мнением В.Я. Портякова о том, что Россия по экономическому влиянию в регионе пока не только не уступает Китаю, но и сохраняет в силу

---

⁵² Фроленков В.С.. Позиция КНР по вопросу развития торгово-экономического сотрудничества в ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М., ИДВ РАН, 2007. - С. 249.

исторических и иных причин «более внушительные экономические позиции».⁵³ Несмотря на то, что объем внешней торговли КНР в 2006 г. был вчетверо выше, чем объем внешней торговли России (соответственно 1760 и 439 млрд. долл.), торговля РФ с четырьмя центральноазиатскими членами ШОС составила 16,4 млрд. долл., по сравнению с 11,9 млрд. долл. у Китая.⁵⁴ Данное соотношение (с учетом роста по основным позициям) сохранилось и в 2007 г.

Определенной проблемой являются взаимоотношения членов ШОС с ВТО. Как известно, только две страны из «шестерки» члены международного торгового клуба – Китай и Кыргызстан. В связи с этим Китай пообещал использовать все свое влияние для того, чтобы Россия, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан также стали членами ВТО. Как известно, в 2002 г. в Шанхае был создан механизм регулярных встреч министров в области торговли. Одна из задач экономической стратегии Китая – диверсифицировать через ВТО внешнеэкономические связи, а другая – максимально расширить рынки сбыта для своих товаров.

В рамках ШОС практически решены пограничные вопросы между странами ЦА – РФ – КНР. В связи с положительным разрешением давнего российско-китайского территориального спора и подписанием 19 октября 2004 г. в Пекине «Дополнительного соглашения о восточном участке границы РФ и КНР» нормализация пограничных вопросов в рамках ШОС получила дополнительный импульс для развития.

Проведена делимитация российско-казахстанской границы. Несколько труднее обстояло дело с урегулированием всех спорных вопросов в системе границ Китай – Кыргызстан; Китай – Казахстан; Китай – Таджикистан. Как известно, бывшие власти Кыргызстана в течение 1996 – 1999 гг. подписали с КНР ряд пограничных соглашений, по которым Бишкек сделал

---

⁵³ Портяков В.Я.. Шанхайская организация сотрудничества: достижения, проблемы, перспективы / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2007. С.38.

⁵⁴ Портяков В.Я.. Шанхайская организация сотрудничества: достижения, проблемы, перспективы / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2007.- С.38 – 39.

некоторые уступки на компромиссной основе⁵⁵. Новое руководство К.Бакиева не пыталось пересмотреть пограничные соглашения с Китаем. Официальные заявления президента Кыргызстана, сделанные им в апреле 2005 г., подтвердили желание Бишкека сохранить правовой статус-кво на кыргызско-китайской границе⁵⁶.

Похожим образом складывались дела с делимитацией границы и в Казахстане. Как известно, в апреле 1994 г. был заключен договор между Казахстаном и КНР о границе, который определял линию ее прохождения на всем протяжении, за исключением двух участков – в районе р. Сары-Чельды в Талдыкурганской области и перевалов Чаган-Обо и Баймурза в Семипалатинской области. Спор между сторонами шел о 944 кв. км территории Казахстана. 24 сентября 1997 г. было подписано дополнительное соглашение между Республикой Казахстан и КНР о государственной границе, завершившее процесс ее окончательной делимитации. Казахстан пошел на некоторые уступки по территориальным пограничным спорным районам, в результате чего 537 кв. км отошло Казахстану и 407 кв. км получил Китай. Примечательно, что при этом Казахстан пошел на ликвидацию значительных инженерно-фортификационных сооружений на границе⁵⁷.

Подписанием межправительственного протокола о демаркации линии таджикско-китайской государственной границы, а также эталонных экземпляров топографических карт госграницы полностью завершился многолетний процесс территориального разграничения между этими двумя государствами.

17 мая 2002г. было подписано дополнительное соглашение, по которому Таджикистан согласился передать КНР 1000 кв. км из 28 тыс.

---

⁵⁵ Материалы и документы о кыргызско-китайской границе под ред. Н. Керимбековой. Бишкек, 2003.

⁵⁶ Примечательно, что, когда в Бишкеке в 2002 г. начались массовые акции оппозиции против подписанных тогдашним президентом пограничных соглашений с Китаем, Аскар Акаев что бы разрядить обстановку вынужден был отправить премьера К.Бакиева и руководителя администрации президента А.Карыпкулова в отставку. С.Лузянин. Самое сложное для Курманбека Бакиева и его команды впереди // www.analitika.org

⁵⁷ Хлюпин В.Н.. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. Вашингтон, 1999.

неопределенных территорий в районе Большого Памира. Соответствующая договоренность была достигнута в ходе рабочего визита президента Таджикистана в Пекин. В настоящее время можно констатировать, что Китай в основном разрешил все территориальные проблемы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Казахстан первым завершил процесс юридического оформления государственной границы с КНР и в течение 5 лет проводил ее демаркацию. Кыргызстан только приступил к демаркации границы. Таджикистан практически завершил согласование линии совместной границы с КНР. Хотя страны Центральной Азии и пошли на некоторые территориальные уступки, но этим шагом продемонстрировали Пекину свое стремление ликвидировать все имеющиеся нерешенные проблемы, мешающие развитию плодотворного регионального сотрудничества.

После распада СССР и появления независимых тюркоязычных республик в Центральной Азии Китай столкнулся с активизацией национальных движений в Восточном Туркестане (СУАР), Внутренней Монголии и Тибете. Главную опасность представляли уйгуры, опиравшиеся на огромную диаспору в Казахстане (150 тыс. человек), Киргизии (по разным оценкам, от 50 до 300 тыс.) и Узбекистане (более 100 тыс.). Организации местных уйгуров действовали в этих странах весьма активно, однако к середине 1990-х годов их деятельность в рамках деятельности «Шанхайской пятёрки», а с 2001 г. ШОС была прекращена.

Безопасность и борьба с терроризмом остаются важным направлением в деятельности организации на сегодняшний день. Кроме уже апробированных антитеррористических методов Регионального антитеррористического центра ШОС (РАТС), совместных учений, борьбой с наркотрафиком и другими, на последних саммитах ШОС в Бишкеке (2007 г.) и Шанхае (2006 г.) было дополнительно проработано афганское направление активности ШОС. В настоящее время заканчивается формирование контактной группы ШОС – Афганистан. В данном блоке усиливается тенденция на взаимодействие ШОС с НАТО и Организации договора

коллективной безопасности с НАТО. Борьба против террористических угроз – общая задача. Причем часть экспертов (российских и из стран ЦА) выделяют 4 главных института (проекта) безопасности в ЦА: а) антитеррористическая коалиция в Афганистане; б) ОДКБ; в) НАТО и его программа «Партнерство ради мира»; г) ШОС, подчеркивая их взаимодействие, а не конкуренцию. С другой стороны, у России и Китая и ШОС в целом есть более широкое понимание борьбы с терроризмом. ШОС увязывает эту борьбу с сепаратизмом и религиозным экстремизмом. США – делают акцент на «гуманитарных операциях», продвижении в различных азиатских регионах «американских стандартов» и западных моделей демократии, что вызывает протест и отторжение местных, глубоко традиционных структур.

ШОС пока воздерживается от активизации на афганском направлении, поскольку проблема соотношения стратегических и тактических интересов России, США, Китая на «талибском фронте» противоречива и неоднозначна. Однако, если в Афганистане станет слишком горячо и режим афганского президента Х.Карзая под натиском талибов рухнет, ШОС, ОДКБ и НАТО придется налаживать новый формат сотрудничества в регионе.

Проект создания «Энергетического клуба» (ЭК) ШОС является чрезвычайно перспективным в плане углубленной кооперации производителей, транзитеров и потребителей энергоносителей на евразийском пространстве. Известно, что для КНР растущий дефицит энергоносителей – «ахиллесова пята» экономики. В связи с этим энергетическая кооперация РФ, стран ЦА и КНР могла бы работать на всех участников проекта в равной степени (включая и не члена ШОС – Туркмению).

В 2007г. контуры идеи «Энергетического клуба» выглядели следующим образом. В декабре 2006 г. российским президентом В.Путиным была озвучена идея необходимости создания «Энергетического клуба» ШОС,

которая представляет большой интерес и для Индии как страны – наблюдателя данной организации. В самом общем виде предварительно можно выделить 4 региональных измерения реализации концепции: а)глобальный; б)регионально-евразийский (пространство России, Китая и 4 стран Центральной Азии); в)субрегиональный, центральноазиатский (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия); и г)страновой (развитие 6 национальных энергетических моделей членов ШОС). Видимо, в настоящее время речь идет в основном о проработке возможностей практической реализации, прежде всего, в регионально-евразийском измерении. Глобальный формат – более отдаленная перспектива. Хотя сегодня элементы 1-го измерения частично просматриваются в энергетической политике России по реализации концепции энергетической безопасности (решения петербургского саммита G-8), в сложном диалоге Россия – ЕС по известной «Энергетической хартии» и др. На каждом уровне концепция ЭК ШОС может варьироваться сообразно геополитическим и энергетическим тенденциям и закономерностям. Очевидно, что реализация концепции ЭК в данных региональных измерениях позволит не только выстроить самодостаточную энергетическую структуру производитель – поставщик – потребитель на евразийском пространстве, но и существенно обновить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные направления по безопасности, экономическому, гуманитарному сотрудничеству. Здесь нет завышенной оценки энергетического направления. Это скорее констатация реалий жизни.

Однако возможно рассмотрение и другого методологического подхода. Речь идет о том, чтобы структурировать проект на основе «клубного» принципа, предполагающего достаточно широкое и прозрачное сотрудничество не только членом ШОС (государств и соответствующих министерств), но и стран-наблюдателей, а также широкого круга негосударственных субъектов (частных энергетических компаний и пр.). Данный вариант предполагает вовлечение и неШОС-овских субъектов без

жесткой политической привязки, что позволит сделать ЭК более гибким, вовлечь в энергетическое сотрудничество такие страны, как Туркменистан (газовый бизнес), с учетом позиции нового туркменского руководства, Азербайджан (нефть, газ) и др. В рамках этого подхода теоретически возможны и переговоры по взаимодействию с ГУАМ, другими организациями.

Резюмируя теоретическую часть, следует подчеркнуть, что деятельность ЭК не должна дублировать профильные министерства и ведомства 6 стран, имея свою специфику использования возможности самой организации ШОС и ее структур, привлекая на той или иной основе бизнес-сообщество, экспертные ресурсы.

Специфику и возможности энергетического пространства ШОС можно представить следующими моментами:

1. Отсутствие третьих стран на пути транспортировки энергоресурсов.
2. Органичное (геоэкономическое) сочетание групп стран производителей – экспортеров (Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителей – импортеров энергоносителей (Китай, Киргизия, Таджикистан). Причем данное сочетание, с учетом стран наблюдателей, можно интерпретировать и в более широком формате. Как взаимодействие «оси» производителей (Россия – Казахстан – Узбекистан – Иран) и «оси» потребителей энергоресурсов (Китай – Таджикистан – Киргизия – Индия – Пакистан – Монголия). Фактически, реализация первой, а тем более второй (вместе с наблюдателями) моделей делает ШОС самодостаточной энергетической системой как в глобальном, так и региональном контекстах. К этим двум «осям» следует добавить и «ось» стран транспортировщиков. В условиях взаимодействия этих трех «осей» по газовой, нефтяной, атомной, электрической опциям, центральными вопросам на первом этапе, видимо, будет выработка единой тарифной политики по ценам (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений), маршрутам, объемам продаж и закупок энергоносителей. В отличие от ОПЕК ЭК ШОС

объединяет и производителей, и транспортеров, и потребителей энергетических ресурсов, что позволяет уже на начальном этапе осуществлять стратегию сравнительных преимуществ в рамках ЭК.

3. Возможности взаимодействия энергетического проекта ШОС и интеграционного проекта – создание «зоны свободной торговли» (ЗСТ) ШОС. Хотя, как представляется, энергетическое направление может опережать интеграционное в силу объективных причин – наличия большей взаимной заинтересованности (мотивации) стран поставщиков и потребителей в друг друга. Вариант создания ЗСТ, к сожалению, имеет ряд ограничителей – неготовность малых и более слабых экономик (Таджикистана, Киргизии) к взаимодействию с экономикой Китая в свободном торговом режиме. Очевидно, что создание ЗСТ – больше перспектива развития.

4. «Энергетический клуб» ШОС может стать эффективным регулятором «внутренних» центральноазиатских энергетических нестыковок, особенно по линиям «Узбекистан – Таджикистан» или «Узбекистан – Киргизия», купируя или полностью разрешая двусторонние проблемы в обмене узбекского газа, электричества на водные ресурсы Киргизии и Таджикистана. Известно, что РФ, Казахстан, Узбекистан обладают большими запасами углеводородов, а Таджикистан и Киргизия гидроресурсами. Иницилируемые странами ЦА и ЕврАзЭС проекты создания водных консорциумов, к сожалению, не снижают напряженности в обозначенных двусторонних моделях. ЭК потенциально может решить и эту задачу.

Таким образом, ШОС притягательна и интересна для многих стран Востока, которые хотели бы жить в многополярном мире. В основе притягательности организации лежат российский и китайский ресурсы, а также возможности центральноазиатских государств (Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана). Мировой рейтинг ШОС растет буквально на глазах, десятки стран выстроились «в очередь» на вступление.

Организация прошла два принципиальных этапа, качественно отличающихся друг от друга. Первый – фазу сугубо региональной (центральноазиатской) активности в 1996 – 2004 гг. Тогда на Западе ШОС всерьез еще не воспринимали. Второй – фаза более широкой евразийской активности (с 2004 г. по настоящее время). В основе некоего глобализма ШОС лежит российско-китайское стратегическое партнерство, потенциал которого экстраполируется на всю организацию и выходит за рамки Центральной Азии. В основе расширения деятельности ШОС лежит в том числе и необходимость политического «сдерживания» гегемонизма США и их союзников. Складывается (неформальная) версия постбиполярного прочтения мира, проявляющаяся на пространстве Евразии в некотором противостоянии ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, с одной стороны, и проектов НАТО, обновленного ГУАМ, «демократической оси» Прибалтика – Украина – Польша – Грузия и других альтернативных России и Китаю проектов, с другой.

Китай и Россия в последние годы все больше вкладывают в проект ШОС экономико-интеграционный смысл. Спектр деятельности организации охватывает максимально возможное количество направлений, включая экономическое, гуманитарное, интеграционное, а не только вопросы безопасности.

В рамках ШОС, к сожалению, сохраняется неравномерность развития, объективно создающая некоторый «внутренний» дисбаланс. Из 6 государств–участников явно выделяются два – Россия и Китай. За последние годы по совокупной государственной мощи заметно прибавил Казахстан. Одновременно социально-экономические позиции таких государств, как Кыргызстан и Таджикистан, явно ухудшились. Условно «промежуточную» позицию между Казахстаном и аутсайдерами занимает Узбекистан, который также демонстрирует тенденцию на ускорение развития. Важными в связи с этим представляются китайские инициативы по активизации

инвестиционного сотрудничества с Кыргызстаном и Таджикистаном, развитию торговли с этими государствами.

Получил развитие вопрос о взаимодействии ШОС с Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Эти две структуры до 2007 г. не имели совместных документов о взаимодействии и сотрудничестве. Показательно, что в 2007 г. оба альянса проводили параллельные военные учения – «Рубеж» (ОДКБ) и «Мирная миссия» (ШОС). На «тройном» саммите СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ в Душанбе (2007 г.) был подписан меморандум о сотрудничестве ШОС и ОДКБ. Документ не означает формирование какого-либо блока или союза типа «АнтиНАТО», он свидетельствует о желании сторон углублять сотрудничество в сфере региональной безопасности. Вряд ли произойдет какое-то организационное слияние этих организаций, каждая из которых имеет свою специфику.